о максимальном обобщении эпизодов, о зрительном, внешнем их эффекте в первую очередь.

Говоря о князе, о своем князе, летописец постоянно изображает его в парадных и официальных положениях: князь во главе своего войска; князь въезжает в свой город, его радостно встречают жители; князь „думает" с боярами; князь принимает и отряжает послов; князь первым кидается в битву и „ломает копье"; тело князя с плачем хоронят жители, называя его защитником „сирых", „кормителем" и „нищелюбцем". Перед нами несколько церемониальных положений, каждое из которых прямо годилось бы для печати князя как его эмблема. В каждом из этих положений князь предстает перед читателем прежде всего как князь, в ореоле княжеской власти и княжеской славы. Именно такие положения встречаются на иконах, на стенах храмов или на монетах (монета Владимира с его изображением и подписью: „Володимер на столе, а се его серебро").

Князь предстает перед читателем или зрителем во всем блеске его княжеского достоинства. Летописец ловит его слова, фиксирует их, передает их в наиболее обобщенной форме — почти как сентенции, подчеркивает их мудрость и дальновидность, рисует князя только в значительные и торжественные моменты его жизни.

Вот Михалко и Всеволод въезжают во Владимир со славою и честью великою. Перед ними ведут колодников. „Узревше князя своя", выходят им навстречу владимирцы и духовенство с крестами.[1] В иных случаях народ, встречая возвращающихся с победой князей, поет им славу.[2]

Вот изображение победившего врагов Мстислава Мстиславича Галицкого. Он въезжает в Галич, встречается там с Даниилом Романовичем. „Вси бо угре и ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии бегающе по земле истопоша, друзии же смерды избьени быша, и никому же утекши от них; тако бо милость от бога Руской земле".[3] Побежденный враг — Судислав — обнимает колени Мстислава: „Обуима нозе его обещася работе быти ему".[4] Мстислав же прощает врага „и честью великою почтив его, и Звенигород дасть ему".[5]

Еще более эффектны и импозантны картины парада княжеского войска с князем во главе. Парад войск Даниила Романовича описан под 1251 годом. Воины Даниила представлены во всем их блеске: „Щите же их яко зоря бе, шолом же их яко солнцю восходящу, копиемь же их дрьжащим в руках яко тръсти мнози, стрелцемь же обапол идущим, и держащим в руках рожанци свое, и наложившим на не стрелы своя противу ратным. Данилови же на коне седящу и вое рядящу".[6] В следующем году Даниил Романович показывает войско свое немцам. В описании этого смотра еще бóльшая роль принадлежит самому Даниилу. „Данила же приде к нему (к венгерскому королю, — *Д. Л.*), исполчи вся люди свое. Немьци же дивящеся оружью татарьскому: беша бо кони в личинах и в коярех кожаных, и людье во ярыцех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающася. Сам же еха подле короля, по обычаю руску: бе бо конь под нимь дивлению подобен, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златом

[1] Ипатьевская летопись, под 1176 г., стр. 408.
[2] Там же, под 1236 г., стр. 517—518.
[3] Там же, под 1219 г., стр. 493.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, под 1251 г., стр. 540.

215660

Ин-т Русской Литературы Библиотека АН СССР